

4. Кузин Ф. А. Культура делового общения: Практическое пособие. М.: Ось-89, 2002. 320 с.
5. Халатян А. Б. Жанровая организация предвыборного дискурса Политическая лингвистика 2(36)'2011.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: монография. М.: Флинта-Наука, 2007. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
7. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса Жанры речи – 3. Саратов, 2002. С.205-214.
8. Wodak R. Pragmatics and Critical Discourse Analysis: a cross-disciplinary inquiry // Pragmatics & Cognition. John Benjamin's Publishing Company, 2007. № 15 (1). P. 203–225.
9. Full text of First Lady Michelle Obama's remarks to the Democratic National Convention on Sept. 4 in Charlotte.
<http://www.washingtonpost.com/blogs/election-2012/wp/2012/09/04/dnc-2012-michelle-obamas-speech-at-the-democratic-national-convention-full-text>.

Г. Д. Воскобойник, Е. А. Вебер,
Иркутский государственный лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия

Статья подготовлена к печати при поддержке РГНФ
(грант № 12-04-00055)

Когнитивный диссонанс в переводческом дискурсе

Критическое переосмысление семиотического подхода к переводу с очевидностью полагает, что в ситуациях межъязыкового перевода все стратегии осуществляются в когнитивном информационном поле, внешние пределы которого очерчены максимальным контекстом ситуации, а конкретные переводческие решения зависят от способности переводчика использовать соответствующий потенциал поля. Объективные обстоятельства, препятствующие встрече знака-интерпретанта ПЯ с объектом ИЯ, отмечены в сознательной работе с текстами «разрывами», которые уже были определены как когнитивный диссонанс (далее КД).

Это понятие обладает основными признаками, необходимыми для работы с конкретными переводческими дискурсами, попадающими, как было показано ранее, в разряд персональных

дискурсов. Его содержание и объем позволяют процедурное применение непосредственно к фрагментам переводческого дискурса. Иными словами, оно является типичным инструментом североамериканской научной эвристики, не отличающейся глубиной и стойкостью философских идей, но эффективно производящей инженерные решения.

Понятие «когнитивный диссонанс» (КД), используемое в дальнейшем для описания и оценок расхождений между текстами ИЯ и ПЯ в переводческом дискурсе, было впервые введено Л. Фестингером. Определение КД восходит к весьма общему, краткому описанию универсальной ситуации: «Можно сказать, что X и Y находятся в диссонантном отношении, если не-X следует из Y» [1: 29]. Опираясь на схематические представления о переводе, можно утверждать, что осознаваемый переводчиком «зазор» между знаком ПЯ и объектом ИЯ и есть аналог «не-X».

Теории Л. Фестингера, как представляется, идеологически предшествовала попытка К. Поппера оспорить гегелевскую теорию тождества. Оставляя в стороне почти истерический тон попперовских политических претензий к Гегелю, целесообразно выделить ту часть протеста, которая относится к единству противоположностей как основанию тождества. Для практического разрешения диалектического тождества, т. е. в целях работы с различиями, К. Поппер предлагает упрощенный вариант рационализма, основанный на строгом разграничении причины и следствия, на **бинарности**, т. е. на форме, допускающей градуирование, частичное присутствие одной или обеих сторон тождества – что, впрочем, не исключает необходимости выбора по принципу «либо..., либо» [2]. Таким образом, создается основа для принятия частных инженерных решений в тех – количественно преобладающих случаях, когда невозможно сделать выбор в пользу одной из двух составляющих единство сторон или реализовать обе стороны без эпистемических огрублений и компромиссов.

Бинарные социально-инженерные построения, начавшиеся с разделения К. Поппером права и силы, получили продолжение в социальной психологии, в частности, в разграничении установки и поведения Д. Майерсом [3], «Я-схемы» и «не-Я-схемы» Л. Хьеллом и Д. Зиглером [4], в целом ряде бинарных противопоставлений, определяющих когнитивные стили, у Г. Уиткина и Д. Гуденаф [5]. Все эти теории, кроме бинарности, объединяет признание

неизменного напряжения между основными частями когнитивных схем: поведение далеко не всегда согласуется с установкой; между «Я» и «не-Я» возникают конфликты экологического свойства; когнитивные стили редко реализуются в «чистом» виде, а их смешение сопровождается противоречивыми стратегиями носителей.

Определение КД Л. Фестингером строго следует принципу бинарности двух типов знаний. Это не единственный пример разнесения когнитивных объектов в одном эпистемическом пространстве. Например, Р. Солсо противопоставляет процедурное знание декларативному, допуская их раздельное рассмотрение равно как и со-присутствие [6]. Нетрудно заключить, что на таких теориях основаны многочисленные практические рекомендации поведения в частично рассогласованных контекстах, например, социально-политическая толерантность.

Единственной практически реализуемой версией анализа переводческого дискурса является последовательное обращение к логике рассуждений переводчика в линейных отклонениях.

Замена единого отдельным почти всегда означает снижение уровня обобщений, а, следовательно, ослабление эвристики. Тем не менее на данном этапе исследования это оправдано: о безусловном верховенстве тождества, о его путеводной роли сказано достаточно. Тождество остается безусловно «первым принципом», в то время как область КД распространяется на остающиеся в результате перевода различия. Таким образом, на фоне понятий «эквивалентность» и «адекватность», которые относятся в переводческих теориях к превращенным формам тождества в центр внимания выходят остающиеся различия между текстом ИЯ, с одной, и текстом ПЯ, с другой стороны. Это – закономерное теоретическое решение, ибо ни «эквивалентность», ни «адекватность» не обнаруживают в содержании соответствующих понятий указания на различия. Аргюируется, что при этом переводческий дискурс дает достаточно сведений о различиях, рассматриваемых как показатели когнитивного диссонанса переводчика.

Весьма существенная деталь: содержательные различия между текстами ИЯ и ПЯ обусловлены расхождениями в областях действительности, к которым восходят тексты. В дальнейших модификациях формулировок КД это обстоятельство будет неизменно подразумеваться. Однако попытки его выведения в автономный модус теории приводит к значительному усложнению

исследовательского инструментария. Поэтому при отсутствии необходимости – в специальных целях – обращения к действительности как аспекту когнитивной модели ее роль как причины признается «по умолчанию».

В свете вышеизложенного когнитивный диссонанс переводчика представляется как отраженное в произвольной (= не имеющей регламентированных способов и приемов выражения) форме знание переводчика о том, что между текстами ИЯ и ПЯ имеются содержательные различия и реакция на это знание. В терминах уточненной системно-семиотической теории различия полагаются как «зазор» между знаком-интерпретантом ПЯ и объектом ИЯ.

Литература:

1. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса [Текст] / Л. Фестингер. – СПб.: «Ювента», 1999. 318 с.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. — СПб.: Логос, 1993. 4.1. 287 с.; 4.2.-252 с.
3. Майерс Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2002. 752 с.
4. Хьелл Л. А. Теории личности [Текст] / Л. А. Хьелл, Д. Дж. Зиглер. – СПб.: Питер, 2002. 608 с.
5. Witkin H. A. Stability of cognitive style from childhood to young adulthood [Text] / H.A. Witkin, D.R. Goodenough, S.A. Karp // Journal of Personality and Social Psychology, 1967. V. 7. P. 291-300.
6. Солсо Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. - СПб.: Тривола Либериа, 2002. 598 с.

К. Б. Позднякова, Т. М. Бабанина,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия

Проблемы перевода поэзии

При осуществлении поэтического перевода каждый раз возникает проблема выбора: в каких-то случаях стоит придерживаться оригинала, а в каких-то желательны и даже необходимы отступления. Кроме того, неизбежно приходится задавать вопрос о степени соответствия переводимому произведению.